

Сахарова Наталья Геннадиевна, Дмитриева Ольга Петровна

КОНЦЕПТЫ "УЖАС" И "СТРАХ" КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-УНИВЕРСАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ СТИВЕНА КИНГА)

В данной статье исследуются смысловые составляющие и особенности художественно-образного выражения концептов "ужас" и "страх" в рассказах американского писателя С. Э. Кинга. Проводится лексико-стилистический анализ вербальных способов репрезентации данных концептов в идиостиле автора в соответствии с учением структуры личности австрийского психолога З. Фрейда. Данное исследование необходимо для выявления соотношения универсального и индивидуального в концептах. Полученные результаты применимы в стилистике, теории текста, теории поэтического языка и герменевтике.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 371-374. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.111.1'38

В данной статье исследуются смысловые составляющие и особенности художественно-образного выражения концептов «ужас» и «страх» в рассказах американского писателя С. Э. Кинга. Проводится лексико-стилистический анализ вербальных способов репрезентации данных концептов в идиостиле автора в соответствии с учением структуры личности австрийского психолога З. Фрейда. Данное исследование необходимо для выявления соотношения универсального и индивидуального в концептах. Полученные результаты применимы в стилистике, теории текста, теории поэтического языка и герменевтике.

Ключевые слова и фразы: концепт; лексико-стилистические средства; языковая картина мира; идиостиль; структура личности; языковая личность.

Сахарова Наталья Геннадиевна, к. филол. н.

Дмитриева Ольга Петровна

*Московский государственный областной университет
anina_libra@mail.ru*

КОНЦЕПТЫ «УЖАС» И «СТРАХ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-УНИВЕРСАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ СТИВЕНА КИНГА)

За интересом языковедов к тексту всегда таится интерес к проблемам языкового сознания, к «образу мира человека, поскольку в каждом тексте проявляется языковая личность, владеющая системой языка» [4, с. 65]. Языковую личность представляет собой «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определённой целевой направленностью» [9, с. 245]. В связи с этим одним из самых интересных объектов научного исследования является «концепт» как основа языковой картины мира, формирующейся под влиянием языка, традиций, природы и других факторов [13, с. 144]. В подобной картине понятие концепта объединяет такие «философские аспекты языкознания» [4, с. 11], как категории «индивидуальное и универсальное» [24]. Узнать их соотношение возможно, изучив концепты художественного произведения и их языковую репрезентацию в тексте.

В современном отечественном языкознании уделяется большое внимание описанию отдельных концептов такими исследователями, как М. А. Дубовицкая [5], Е. А. Огнева [16], Н. Г. Сахарова [20], Т. В. Соловьёва [22] и др. Несмотря на тот факт, что концепт как объект интереса когнитивной лингвистики и психолингвистики представляет собой «содержание понятия» [24, с. 279] и «смысл слова, соотносимого с данным понятием» [12, с. 106], у учёных до сих пор нет единого взгляда на то, что следует понимать под термином «концепт»: как и 100 лет, назад он как «содержание акта сознания... остаётся весьма загадочной величиной» [2, с. 267]. В силу этого представляется актуальным исследование, ставящее целью углубить знания о концепте и его семантических компонентах через поиск соответствия его индивидуального и универсального, исходя, в нашем случае, из теории структуры личности З. Фрейда [25]. Такой неожиданный подход позволяет ещё больше расширить семантическое поле языковой картины мира, которая, по определению М. Хайдеггера, «сущностно понята, означает... не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» [26, с. 103].

Термин «концепт», ранее носивший имя «универсалия» [2], сегодня употребляется как в широком значении – «ментальная сущность, особая категория нашего сознания, хранящая информацию об определённом фрагменте действительности» [10, с. 8], «сгусток культуры в сознании человека» [23, с. 40], – так и в значении узком – «концепт как ключевой элемент культуры» [10, с. 8]. Отсюда следует, что концепт является наименее дефинируемым определением в современном языкознании.

Поскольку концепт воспринимается и интерпретируется индивидом в зависимости от его уровня фоновых знаний, способность языковой личности к декодированию окружающей действительности посредством языка напрямую зависит и от её интеллекта. Швейцарский психолог Ж. Пиаже определяет интеллект как «форму когнитивного аспекта поведения, функциональное назначение которого – структурирование отношений между средой и организмом» [18, с. 31]. При помощи интеллекта в сознании формируются «обратимые, устойчивые и вместе с тем подвижные целостные структуры» [Там же, с. 32], которые влияют как на речемыслительную деятельность индивида, так и на его восприятие и поведение в целом, т.е. создаются концепты, посредством которых человек регулирует и координирует свою внешнюю предметную деятельность и её внутреннее осмысление.

В литературоведении и стилистике термин «концепт» сужается до понятия «художественный концепт», который «чаще всего есть комплекс того и другого (индивидуально представленного, или видового, и общности, или родового; при этом первое не замещает нам в процессе мысли второго. – С. Н., О. Д.), т.е. сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений» [2, с. 274], что создаёт «когнитивную ауру» [16, с. 8] речевого произведения. С середины XX века художественный текст стал объектом концептуальных исследований. Целью их является декодирование смыслов через: а) «анализ единиц т.н. языка интеллекта – образов, ключевых слов, слов-тем» [9, с. 74], которые позволяют реконструировать художественную картину мира текста, б) «выявление семантической ёмкости имени, что есть способность слова вступать в ассоциативные связи с как можно большим количеством других слов (ассоциатов)» [21, с. 121], и в) раскрытие «смысловой значимости именуемого данным словом концепта» [Там же].

Применение данных критериев позволило нам выбрать ключевые слова «ужас» и «страх» как имена концептов применительно к рассказам американского писателя Стивена Эдварда Кинга с целью репрезентации мировоззренческих, интеллектуальных и психологических намерений языковой личности, отображённых в его творениях – текстах [28].

При рассмотрении концепта «ужас» мы опирались на лексикографическое толкование этого имени. Так, слово «ужас» представлено в современных словарях как совокупность нескольких значений: «1) Чувство сильного страха, доходящее до подавленности, оцепенения. 2) Явление, положение, вызывающее такое чувство. 3) Крайнее изумление, негодование, расстройство, вызванное чем-н. 4) Трагичность, безвыходность. 5) Нечто изумляющее, необычайное по своим положительным или отрицательным свойствам, а также большое количество кого-чего-н. (разг.)» [17, с. 810]. А сопутствующее ужасу и психологически близкое к нему состояние страха можно охарактеризовать как «состояние аффекта» [19, с. 473], «аффективное состояние ожидания какой-либо опасности» [25, с. 446].

Лексема *ужас* в английском языке выражена такими словами, как “*horror, terror, consternation, nightmare, recoil, atrocity, horridness*” [14, с. 186], а лексема *страх* – “*fear, awe, terror, fright, dread, anxiety, alarm, phobia, dismay, funk*” [Там же, с. 799].

Целью нашего исследования является изучение особенностей словесной репрезентации концептов «ужас» и «страх» в рассказах Стивена Кинга, опубликованных в сборнике “*Everything’s Eventual*” («Всё предельно») [30], а также доказательство того, что эти концепты, хотя и показывают различное содержание, всё же сливаются в одно целое, демонстрируя соподчинённость: концепт «ужас» выражается через концепт «страх». Анализ функционирования ключевых слов *страх/бояться* и *ужас/ужасаться* в текстах позволил выявить следующие смысловые планы, которые объединяют стилистические приёмы, связанные с экспликацией концепта «ужас»: 1) явление/чувство, вызывающее страх или ступор; 2) крайнее изумление, негодование, безвыходность, безысходность [17, с. 810].

Смысловой план *явление/чувство, вызывающее страх или ступор*, является одним из наиболее распространённых: «... в конце концов люди больше всего пугаются непонятого» [7, с. 99]. В основе этого состояния находится непонимание природы возникновения и существования какого-либо ощущения или явления. «И всё же страх – это нечто весьма опасное для слабых, потому о страхе обычно забывают» [11, с. 24]. Иными словами, «ужас» и «страх» вызывают отсутствие в сознании субъекта той или иной части картины мира. Человек стремится объяснить сам себе природу испытываемых им неприятных ощущений. Например, героиня не помнит, откуда у неё на руках взялись пятна грязи: *She looked at her fingers and was horrified to see dark smudges on the tips; it was as if someone had just taken her fingerprints* [30, р. 208], – и, чтобы уменьшить чувство ужаса/страха, девушка, сублимируя, выдвигает логичное, на её взгляд, объяснение: *as if someone had just taken her fingerprints (пятна на подушечках пальцев выглядят так, словно кто-то снимал отпечатки пальцев)* (здесь и далее перевод автора статьи. – О. Д.).

Неизменно вызывают ужас/страх у человека необъяснимые явления религиозного характера, такие, как, например, боязнь Дьявола: *As I lie here in my nursing-homeroom, and in the ruined sand castle that is my body, I tell myself that I need not fear the Devil* [Ibidem, р. 42]. / *И вот я лежу здесь, в своей комнате, в этом разрушенном песчаном замке, который является моим телом, я говорю себе, что мне не нужно бояться дьявола.* В данном случае автор подчёркивает оправданность такого ужаса/страха перед тем, что человек не в силах осознать, посредством *enumera legitimately* – «на законных основаниях, обоснованно, по серьёзной причине» [14, с. 450].

Человеку свойственно бояться и проявления желаний других людей, которые могут навредить ему. Подобную, направленную на себя интенцию индивид ощущает безошибочно: *This gent had only one good eye, and it peered at the gunslinger with a greed as horrible as it was unmistakable* [30, р. 92]. / *У этого джентльмена был только один глаз, и он смотрел на стрелка со страшной очевидной жадностью.* В данном случае ужас описывается посредством *сравнения* с «неизбежностью, очевидностью» – *as unmistakable* [14, с. 852].

Отличительной чертой состояния «ужаса и страха» в работах С. Кинга является его многоплановый характер, что проявляется в обязательном упоминании в контексте с концептами таких негативных эмоций и чувств, как:

1) бешенство, неистовство [15, с. 321]: *Because this time it was raised in fury, or fear, or both* [30, р. 95]. / *Потому что в нем поднималось не то бешенство, не то страх, не то смесь из того и другого;*

2) гнев [15, с. 638]: *With a mixture of horror and rage* [30, р. 20]. / *Со смесью ужаса и гнева;*

3) стеснительность, застенчивость, робость [15, с. 721]: *She looked at him shyly and fearfully* [30, р. 119]... / *Она посмотрела на него с застенчивостью и страхом;*

4) смущение [15, с. 256] и вина [Там же, с. 349] в случае, если человек страшится реакции на свои слова или действия: *I'd just sweat with guilt and embarrassment and fear* [30, р. 114]. / *Я взмок от смущения, вины и страха;*

5) боль [15, с. 559] и смерть [Там же, с. 194]: *To me it smells of pain and fear and blood and death* [30, р. 194]. / *Для меня оно пахнет болью, страхом, кровью и смертью;*

6) страдание [15, с. 496]: *The pain, the terror, the misery... they all disappear* [30, р. 277]... / *Боль, ужас, страдание... все исчезнет.*

Интересен и тот факт, что «ужасу» может сопутствовать и положительная эмоция, как, например, ликование [15, с. 334]: *Eyes full of glee and horror* [30, р. 49]. / *Глаза, полные ликования и отчаяния.* Согласно психоаналитической теории австрийского психиатра З. Фрейда, структура личности состоит из таких компонент [27], как:

- 1) *Id* (Оно) – «страсти» [25, с. 431], «целиком бессознательные желания и влечения» [19, с. 307], «врождённые потребности и инстинкты» [27, с. 272], иррациональные страхи;
- 2) *Ego* (Я) – индивид [25, с. 447], разум и реальность [Там же, с. 431];
- 3) *Super-ego* (Сверх-я) – внутренний психический мир [Там же, с. 439], «моральные, общественные нормы» [Там же, с. 447], «моральные стандарты и запреты, голос совести» [19, с. 307].

Нас интересуют первые две компоненты: *Id* и *Ego* – относительно исследуемых концептов, так как: «*Id* (Оно) – глубинная подструктура душевного аппарата (личности), содержания которой бессознательны» [25, с. 443], а *Ego* – «Я олицетворяет то, что можно назвать разумом и рассудительностью, в противоположность к Оно (*Id*), содержащему страсти» [Там же, с. 431]. Следовательно, «ужас» принадлежит *Id*, и он универсален. «Страх» же – «состояние аффекта. Единственное место сосредоточения – Я (*Ego*)» [19, с. 473].

«Ужас» в идиостиле С. Кинга предстаёт прежде всего как чувство, обнажающее основные инстинкты человека и превалирующее над всеми остальными чувствами: *She raised her hands to her shoulders with the palms turned out once again, but this time it was in horror rather than exasperation* [30, p. 196]. / Она вновь обхватила себя руками за плечи, но на этот раз то была не ярость, но ужас. Такой «ужас» сравним с интуицией – «способностью непосредственного постижения истины, минуя опыт и логические рассуждения» [3, с. 6], так как *Id* – «иррационально и бессознательно» [19, с. 307]. Как пишет Ж. Пиаже, «интуитивная мысль в каждый момент «центрируется» на данном отношении, что делает её элементом мира феноменов» [18, с. 215], – «явлений, данных в чувственном созерцании» [8, с. 15].

В противоположность ужасу страх выполняет несколько функций, среди которых преобладает адаптивная функция. Суть её «заключается в том, что страх мобилизует силы человека для активной деятельности, помогает предупреждать возможные ошибки и уменьшает риск стать жертвой обстоятельств, защищает, поскольку является очень сильной мотивацией для поиска безопасной среды обитания, позволяет человеку моделировать своё будущее поведение» [6, с. 247], например: *I blew again and it ruffled again... but this time it also seemed to shift impatiently, and I didn't dare blow anymore, for fear it would lose its temper completely and give me a shot* [30, p. 32]. / Я снова выстрелил, и существо вновь оцетинилось... но в этот раз оно с нетерпением двинулось вперёд. Большие стрелять я не посмел, опасаясь, что оно полностью потеряет терпение и бросится на меня. Не менее востребованной является и манипулятивная функция страха, а именно – побуждение к действию или поступку: *Let the untruth pass for now, he told himself. She speaks it out of fear, I think* [Ibidem, p. 102]. / Забудем сейчас про всю это ложь, сказал он себе. Я думаю, что она лжёт из страха.

Концепты «ужас» / «страх» в рассказах С. Кинга представляются источником сильных эмоций и переживаний [25, с. 439], что может:

- а) выражаться через **эпитеты**, обладающие определённой модальностью: *horrible fear* [30, p. 232] (жуткий страх [15, с. 376]); *sudden horror* [30, p. 14] (внезапный ужас [15, с. 778]); *fresh horror* [30, p. 19] (первобытный ужас [15, с. 316]); *absolute horror* [30, p. 193] (безусловный ужас [15, с. 3]);
- б) передаваться посредством **гипербол**: *horrible beyond description* [30, p. 120] (настолько страшный, что не поддаётся описанию).

Ещё одним стилистическим приёмом выражения «ужаса» и «страха» являются **лексические повторы**: *I tell myself that I need not fear the Devil – that... I need not fear the Devil... legitimately fear the Devil either* [Ibidem, p. 42]. / Я говорю себе, что не нужно бояться Дьявола... мне не нужно бояться Дьявола... это правильно – не бояться Дьявола.

Также значительное место в декодировании концептов занимает **персонификация**. «Страх» в работах С. Кинга наделяется свойствами живых существ. «Ужас» воспринимается как живое существо и наделяется способностью творить: *I should face my fear* [Ibidem, p. 40]. / Я должен встретиться со страхом лицом к лицу; *what I feared stared at me* [Ibidem, p. 242] (то, чего я так боялся, уставилось на меня / произошло); *Fright has locked down my vocal cords* [Ibidem, p. 25]. / Ужас лишил меня возможности говорить; *Fletcher discovered that terror had created two new people inside him* [Ibidem, p. 75]. / Флетчер обнаружил, что ужас создал внутри него две новые личности.

Таким образом, при осмыслении результатов исследования способов репрезентации концептов «ужас» / «страх» в рассказах С. Кинга можно сделать заключение, что для человека переживание ужаса/страха «представляет собой глубокое, мучительное чувство, затрагивающее душу, и... сопряжено с внешними физическими неудобствами» [6, с. 266]. Также стоит отметить тенденцию к особому акцентированию адаптивной функции страха, о чём свидетельствует преобладание в рассказах ситуаций, описывающих намеренное наведение страха, ввиду которого протагонист не решается совершить то или иное действие. Ещё одна характерная черта репрезентации концептов «ужас» / «страх» в идиостиле С. Кинга – описание непосредственного переживания страха посредством модальных эпитетов и гипербол, а также его симптоматики. Любопытным фактом является своего рода перенос «ужаса» в разряд полистатусной эмотивной категории, тогда как «страх» неразрывно связан с другими проявлениями как положительных, так и отрицательных человеческих эмоций. Причина или следствие их возникновения есть тот факт, что «*Я* и *Оно* не разделены резкой границей» [25, с. 431]. Состояние страха представляется субсоставным ужаса, а концепт «страх» – вторичной компонентой концепта «ужас». Таким образом, два концепта, сосуществуя параллельно, могут сливаться в единое целое, подобно тому, как *Я* «сливается вниз» [Там же] с *Оно*. Так решается вопрос «о соотношении индивидуального и универсального в художественной картине мира» [5, с. 99]. Индивидуальный «страх» подчиняется универсальному «ужасу», что доказано лексико-стилистическими способами репрезентации искомого.

В этой парадигме решается также вопрос об иерархическом характере концептов. Один из схожих концептов – всегда доминантный, он является «коллективным архетипом культуры» [1, с. 9], иными словами, «врождённой психической структурой, лежащей в основе общечеловеческой символики» [24, с. 42]. Второй концепт дополняет доминантный, показывая степень проявления первого в зависимости от волеизъявления индивида. Подобная динамика развития и изменения признаков концептов «ужас» / «страх» в кратких рассказах С. Кинга, их связь с другими концептами могут составить перспективу дальнейшего исследования в области семантики, стилистики, когнитивной лингвистики, герменевтики.

Список источников

1. **Алефиренко Н. Ф.** «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта; Наука, 2009. 344 с.
2. **Аскольдов С. А.** Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267-279.
3. **Асмус В. Ф.** Проблема интуиции в философии и математике (Очерк истории: XVII – начало XX в.). М.: Мысль, 1965. 312 с.
4. **Белянин В. П.** Введение в психолингвистику. М.: ЧеРо, 2000. 128 с.
5. **Дубовицкая М. А.** Концептосфера языковой личности персонажа как отражение национальных особенностей на примере произведения Амина Ар-Рейхани // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67): в 2-х ч. Ч. 1. С. 98-103.
6. **Зайкина С. В.** Страх // Антология концептов: в 2-х т. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 247-268.
7. **Ильф И., Петров Е.** Золотой телёнок: роман. М.: Панорама, 1995. 624 с.
8. **Кант И.** Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2015. 160 с.
9. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
10. **Кругликова Е. А.** Историко-культурный аспект описания концептов // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений конференции: в 4-х ч. / под ред. И. А. Королевой. Смоленск: СГПУ, 2001. Ч. 1. Лексика и фразеология. Терминология. С. 7-11.
11. **Кьеркегор С.** Страх и трепет. М.: Культурная революция, 2010. 488 с.
12. **Левина М. А.** Термин, понятие и концепт // Приволжский научный вестник. 2014. № 6. С. 106-108.
13. **Маслова В. А.** Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта; Наука, 2007. 296 с.
14. **Мюллер В. К.** Новый англо-русский словарь. М.: Русский Язык – Медиа, 2006. 946 с.
15. **Мюллер В. К.** Новый русско-английский словарь. М.: Русский Язык – Медиа, 2004. 986 с.
16. **Огнева Е. А.** Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. М.: Эдитус, 2013. 282 с.
17. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
18. **Пиаже Ж.** Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 660 с.
19. **Психологический словарь** / сост. В. Н. Копорулина, М. Н. Смирнова, Н. О. Гордеева, Л. М. Балабанова; под общ. ред. Ю. Л. Неймера. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 640 с.
20. **Сахарова Н. Г.** Концепт женственности в блюзовом тексте [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Филологические науки». 2016. № 2. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/743> (дата обращения: 28.12.2017).
21. **Соловьёва С. Л.** Тревога и тревожность: теория и практика [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2012. № 6. URL: http://medpsy.ru/mpj/archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer14.php (дата обращения: 14.11.2017).
22. **Соловьёва Т. В.** Концепт «любовь» как отражение индивидуального образа мира (на материале творчества Константина Скворцова) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23. С. 121-125.
23. **Степанов Ю. С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академический Проект, 2004. 982 с.
24. **Философский энциклопедический словарь** / ред. С. С. Аверинцев и др. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
25. **Фрейд З.** Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. 448 с.
26. **Хайдеггер М.** Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе / сост. С. П. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. С. 93-118.
27. **Холмс Д.** Аномальная психология. СПб.: Питер, 2003. 304 с.
28. **Чурилина Л. Н.** «Языковая личность» в художественном тексте: монография. М.: Флинта, 2017. 240 с.
29. **King S.** Everything's Eventual: 14 Dark Tales [Электронный ресурс]. L.: Hodder & Stoughton, 2002. 538 p.

CONCEPTS “HORROR” AND “FEAR” AS REPRESENTATION OF INDIVIDUAL AND UNIVERSAL FEATURES OF A LINGUISTIC PERSONALITY IN THE INTERPRETATION OF LINGUISTIC WORLDVIEW (BY THE MATERIAL OF S. KING’S STORIES)

Sakharova Natal'ya Gennadievna, Ph. D. in Philology
Dmitrieva Olga Petrovna
Moscow Region State University
anima_libra@mail.ru

The article examines meaningful components and peculiarities of artistic and figurative expression of the concepts “horror” and “fear” in the stories of the American writer S. E. King. The paper provides a lexico-semantic analysis of verbal means to represent these concepts in the author’s individual style in accordance with the personality structure doctrine of the Austrian psychologist S. Freud. The study focuses on identifying the correlation of universal and individual in the mentioned concepts. The research findings can be used in stylistics, text theory, theory of poetical language and hermeneutics.

Key words and phrases: concept; lexico-stylistic means; linguistic worldview; individual style; personality structure; linguistic personality.